

КБС

Шире творческую инициативу

В уставе Союза советских писателей СССР, принятом двадцать лет назад, как первая задача нашей литературы определено «активное участие советских писателей своим художественным творчеством в социалистическом строительстве, защищая интересы рабочего класса и укрепление Советского Союза путем правдивого изображения истории классовой борьбы пролетариата, классовой борьбы и строительства социализма в нашей стране, путем воспитания широких трудящихся масс в социальном духе».

Эти высокие общественные задачи советской литература с честью выполняла в годы мирного созидания и Великой Отечественной войны, за выполнение этих задач, за дальнейшее повышение роли советской литературы в коммунистическом строительстве борются писатели и в наши дни. Каждое успешное произведение советской литературы, каждым ее творческим успехом — это вклад в общее народное дело, в котором в меру сил и таланта стремятся участвовать все писатели нашей страны. Помогают литераторам в решении этих задач, в чисто-творческом росте — призвание Союза советских писателей.

«...Какие цели ставят перед собой будущий союз? — спрашивал А. М. Горький в своем докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей. — ...Мне кажется, — говорил он, — что союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в ее целом».

По самой природе своей творческая работа писателя требует личной ясности, инициативы, смелости, постоянных поисков решения новых вопросов. Эта работа немыслима без глубокого изучения жизни, без живого общения с людьми — героями литературы и ее читателями.

А это значит, что в Союзе писателей, во всех его звеньях — центральном аппарате, республиканских союзах, областных организациях — должна быть ключом творческая жизнь, должна чувствоваться полноценный пульс нашей действительности. Духу работы писательской организации, противоречат канцелярско-бюрократические формы руководства литераторами, распоряжения вместо разъяснения и товарищеского обсуждения, бумажный поток там, где нужно живое слово.

Между тем на председловских собраниях раздается немало спрavedливых критических замечаний, покзывающих, что практика работы наших писательских организаций далеко не всегда соответствует целям задачам, стоящим перед ним. Нельзя не согласиться с тем, что комиссии и творческие секции ССП работают далеко не удовлетворительно, что они не оказывают творческой помощи начинающим (да и не только начинающим!) писателям.

Нельзя не признать, что бумажно-канцелярские методы руководства еще слишком сильно дают себя чувствовать в Союзе писателей и что члены правления плохо знают творческих работников на местах — эти книги, их удачи и неудачи, их трудности и нужды. А ведь совершенно очевидно, что живое общение писателей друг с другом, обмен мнениями и опытом, разговор о написанном — взаимный разговор, в котором и более опытному мастеру полезно прислушаться к словам совсем не маститого собрата по перу, — все это формы подлинно творческой работы. Правление ССП ССР — именно все правление, все его члены, а не только члены секреции — должно серьезно подумать о характере, форме и методах работы Союза писателей.

О содержании и качестве своей работы должны подумать и местные писательские организации, которые часто обзывают свою плохую работу только тем, что писательские организации не занимаются теми книгами, их удачи и неудачи, их трудности и нужды. А ведь совершенно очевидно, что живое общение писателей друг с другом, обмен мнениями и опытом, разговор о написанном — взаимный разговор, в котором и более опытному мастеру полезно прислушаться к словам совсем не маститого собрата по перу, — все это формы подлинно творческой работы. Правление ССП ССР — именно все правление, все его члены, а не только члены секреции — должно серьезно подумать о характере, форме и методах работы Союза писателей.

В работе многих местных писательских организаций чрезвычайно редко проявляется подлинная творческая инициатива, они слабо связаны с жизнью, мало приобщают литераторов к решению важнейших вопросов, стоящих на повестке дня нашего разви-

тия. На скользких сорняках Новосибирского отделения Союза писателей говорилось о значении исторических решений партии и правительства, посвященных подъему сельского хозяйства, в частности, основанию целинных и залежных земель! Новосибирские литераторы не раз собирались и сидели на то, что вот и весна на дворе, и солнце пригревает все сильнее, и птицы с юга прилетают, а командрингов на целину им никто не дает. Обижались на секретариат ССП, который дол-

го не решал вопрос о командировках, обижались и на местные организации... Но оказалось, что никто ни разу в эти организации не обратился, а они охотно отклинулись на первые же предложения. С помощью обкома партии и редакции областной газеты делала группа литераторов выехал на целину. Наблюдения, мысли, чувства писателей вылились в горячие слова стихотворений, песен, очерков, и боевая актуальность этих произведений была с удовлетворением отмечена читателями.

Рост и укрепление писательских организаций на местах прямо связаны с творческой активностью всех ее членов. Никакими мерами не укрепить авторитет той организации, в которой писатели оторваны от народной жизни, от общественной деятельности, малоинициативны и малопродуктивны в своей творческой работе.

К сожалению, многие областные организации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворенные своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации. Такое предложение высказывалось, например, в Сталинграде. Но в этих случаях дело не в количестве членов ССП, живущих в данной области, и даже не в наличии отделения союза, а в умении развернуть эту литературу, работу, в желании сделать эту работу частью культурной жизни города и области, обрасти актivismом людей, любящих и понимающих искусство.

В Туле, например, нет членов или кандидатов ССП. Но начинавшие тульские литераторы объединены при областном из-

дательстве и работают здесь очень деятельно.

В объединении активно занимаются сорок человек: преподаватели, студенты, рабочие, журналисты, учащиеся, нахлебники. Они устраивают лекции и доклады по вопросам литературного мастерства, коллективно обсуждают свои произведения. Налицо и результаты: регулярно выходят альманах «Литературная Тула», где публикуют новые произведения туляков. Местное издательство выпускает книги своих авторов; к съезду писателей готовится сборник критических статей.

До последнего времени в Туле не было

своих драматургов. К сожалению, это обстоятельство мало волновало местный драматический театр. Начинающие драматурги Т. Иванова и С. Юдкович написали первую свою пьесу, но работники театра не заинтересовали ее. Тульскому театру не мешал бы взять пример из Тамбова, где, благодаря инициативе режиссера театра, увидела свет рампа первой пьесы драматурга Д. Девятова «В Лебяжьем», а вслед за тем и пьеса местного преподавателя Н. Архангельского — «Чечетка доврая».

Эти примеры показывают, как много

можно сделать на местах и в тех случаях,

когда писательские организации не за-

мываются в своей среде, устанавливают

живую связь с местными культурными

учреждениями, когда стремятся деятельно-

воваться в жизнь и служить своим твор-

ческим народу.

Самое же главное, решающее в их дея-

тельности — активная и постоянная за-

бота о творческом росте литераторов. Пи-

сательская организация должна эти во-

просы держать в центре своего внимания,

вникать в деятельность каждого писателя,

помогать в осуществлении его замыслов,

обсуждать обсуждение рукописи, провести

дискуссию по проблемам литературы. Де-

лаются все это реally и не всегда умело.

Мало внимания уделяется литературной

молодежи, ее творческому росту и воспита-

нию. Редакция получает многочисленные

сигналы о том, как равнодушно отно-

сятся к начинаниям литераторов в Ростовском, Краснодарском и некоторых дру-

гих отделениях ССП.

Члены Каменской литгруппы справедли-

во жалуются на писатель-ростовчан, за-

бывших дорогу к ним.

«В прошлом году Омское литобъедине-

ние заинтересовалось начинаящими авто-

ромами Испильского района, — сообщает

член литгруппы при редакции районной

газеты «Социалистическое строительство» П. Игнатенко. — Из Омска приехал пред-

седатель литобъединения тов. Журавлев.

Было просмотрено наши рукописи, он сказ-

ал лишь несколько общих слов о пользе

учебы...».

Чувство ответственности за развитие

всей советской литературы, широкая об-

щественная инициатива, тесная связь с жизнью, живое участие в культурной жиз-

нью страны, области, края — вот что нужно

пишательским организациям. Тут могут

быть самые различные формы писательской

деятельности: и выезды в районы, и изда-

ние альманахов, шествия на ликтурных

записях, и работа в областной, районной,

многотиражной печати, и выступления на

литературских ярмарках и конференциях...

Творческая инициатива должна быть

основой работы всей писательской органи-

зации — от многочисленных секций мос-

ковских писателей до литературных объ-

единений в областях.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 108 (3292)

Четверг, 9 сентября 1954 г.

Цена 40 коп.

Навстречу Второму всесоюзному съезду писателей

Чего мы ждем от съезда

Анкета «Литературной газеты»

Наталья БЕЛЕВЦЕВА,
народная артистка РСФСР

Слово к драматургам

Я обращаюсь к тем участникам предстоящего съезда, без которых немыслим театр — к драматургам. Им, вероятно, не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

зации — и наиболее крупные и самые малочисленные — ограничиваются лишь сугубо литературными делами и, по существу, сворачиваются в собственном соку». Не удовлетворяют своими малодидимыми и однообразными социальными, они иногда предлагают, чтобы кто-нибудь из московских писателей переехал к ним для усиления организации.

К сожалению, многие областные органи-

Героика и сатира

Алексей ДИКИЙ

Когда перечитываешь предсезонские статьи людей самых различных профессий, отчетливо видишь во всех этих выступлениях беспокойство за будущее нашей литературы. Причины этого беспокойства с наибольшей ясностью сформулирована в статье Г. Медынского: «У нас сегодня много хороших писателей, но среди них нет «властителей дум», мало произведений, способных волновать умы и трогать сердца в той степени, в какой это делают шедевры классической и советской литературы. Не случайно все сейчас так дружно заговорили об «идеальном» герое, о силе положительного примера, о яности мировоззрения художника, без которого невозможно полноценное произведение. Но-моему, это законный разговор. Но плохо то, что, рассуждая о судьбах искусства, мы не всегда учтываем свой собственный многолетний опыт и подчас утверждаем в полемическом азарте, что у нас нет еще «стого-то» и «стого-то», между тем как нужно скорее говорить о нашей забывчивости, о передних отступлениях от традиций — боевых, плодотворных и жизненных. Об этих традициях и следует, в первую очередь, вспоминать сегодня, в предверии сезона, призванного подвести итог всему, что сделано нами за двадцать лет, и память пути дальнейшего творческого развития.

Эти традиции многообразны, но меня лично волнуют те из них, которые так или иначе связаны с судьбами двух таких различных жанров, как героика и сатира. Я буду говорить о них, потому что убежден, что наше время — время «брейхных» жанров, время высокой патетики и непринимимой, яростной сатиры, вступающей в открытою борьбу со всем, мешающим нашему росту. Я буду опираться на пример драматургии, потому что с нею больше всего связан по работе в театре.

Сейчас выходит в свет многотомное издание пьес советских писателей. В него включены произведения, выдержавшие испытание временем. Это наш золотой фонд, то, что мы с гордостью называем сегодня советской классической драмой. Это вереница имен, десятка названий, с каждым из которых связаны для нас незабываемые театральные впечатления. И когда перелистываешь эти дорогие страницы, когда задумываешься о том, что напечатано в трех вышедших книжках и что будет еще напечатано книжками последующими, хочется воскликнуть: товарищи! да ведь у нас же есть все или почти все, о чем мы сегодня мечтаем: и замечательные герои, бесспорно достойные поклонения, и острые, напряженные конфликты, и ярость жанровых форм, возникающая из честного авторского замысла, из точного знания, — во имя него и от него написана лягкая пьеса! Перед лицом Годуна и Шварца, Пеклеванова и Гая, Полежаева и Сафонова тускнеет, меркнет спор об «идеальном» герое; они вносят в этот спор неопровергимые аргументы жизненной правды, лишенной истины идеализации, аргументы героизма, которые не поднималась история.

Размышляя о том, почему советские классические пьесы, всеми нами любимые, обладают такой огромной силой эмоционального, нравственного, идейного воздействия, понимаешь, что не в одном герое тут дело. Суть в общем тонусе драмы, в том, как в целом передает она жизнь. Вот об этом-то мне и хочется сказать несколько слов.

Существует формула Энгельса: «реализм подразумевает... верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах». Энгельс подчеркивал всю исключительность этих понятий, их взаимозависимость, связь. Но всегда ли мы помним об этой связи, когда смотрим на то, что у нас нет героя, логического нашей эпохи? И если для нашей жизни сегодня не меньше, чем вчера, чем в дни войны, типична атмосфера героии, то почему же этой атмосфере почти нет в сегодняшней литературе и в сегодняшней драме?

В жизни случается и дурное и хорошее, и радостное и тревожающее; но когда мы окуняемся в зеркало все, что нас окружает, берем это в целом, мы отчетливо сознаем, что герническое неразлучно с нашей жизнью. И наше сегодня — это пафос величия, это энтузиазм комсомольцев, поднявших целинные земли, это вышки Московского университета, это совершение в селе Мальцеве. Это правила жизни и это героика. Это герническая норма, как повседневность.

Белинский сказал в свое время: для того, чтобы поэтическое воспроизведение действительности, нужно, чтобы под рукой поэта была поэтическая действительность. Сегодня такая действительность есть, сегодня она под рукой поэта; стало быть, и в искусстве она должна быть воспроизведена поэтически. Это прекрасно знает, этому незаменимо следит наша большая литература; это характерно для лучших созданий классической советской драмы.

В самом деле, и в «Штурме», и в «Разломе», и в «Гибели эскадры», и в «Первой Бонни», и в «Бронепоезде» — везде опущены масштабы гигантских событий, атмосфера разлома, сурьёзного и торжественного поступка революции. Героиня сама обстановка, в которой действуют персонажи драмы, герончики их дела и подвиги. В этих пьесах есть полное соответствие героя среде; положительный образ развивается в них в таких обстоятельствах, в таком окружении, что и сам становится выше простом, закономерно обретает черты эпических. Это и понятно: писатель не мог, не нарушая правила жизни, рисовать будничного человека, если все вокруг него напоминало геронческим людям как бы заражали друг друга пафосом борьбы; рядом с обычным героям вырастали другие, созданные геронческим миром, где реальны, естественные подвиги, где все чувства приподняты, мысли высоки. И чем конкретнее была обстановка, тем определеннее становилась героиня. Потому в «Штурме», например, могла идти речь о борьбе с тифом, о топливе, об огне, а не нарушении правил жизни, рисовать будничного человека, если все вокруг него напоминало геронческим людям как бы заражали друг друга пафосом борьбы; рядом с обычным героям вырастали другие, созданные геронческим миром, где реальны, естественные подвиги, где все чувства приподняты, мысли высоки. И чем конкретнее была обстановка, тем определеннее становилась героиня.

Белинский сказал в свое время: для того, чтобы поэтическое воспроизведение действительности, нужно, чтобы под рукой поэта была поэтическая действительность. Сегодня такая действительность есть, сегодня она под рукой поэта; стало быть, и в искусстве она должна быть воспроизведена поэтически. Это прекрасно знает, этому незаменимо следит наша большая литература; это характерно для лучших созданий классической советской драмы.

И не надо, товарищи, думать, что только грандиозные свершения революции или эпопея Отечественной войны могут дать писателю достаточный материал для создания геронческой драмы, геронческой по тону, по атмосфере, по обстановке дей-

ствия. В пьесах Погодина, в романах Гаевского и Еренберга с не меньшим напряжением, с не меньшим пафосом, а главное, с той же конкретностью передачи геронческой социалистической стройки, называемые первыми пятыми. И не напрасно производственную пьесу драматург Погодин называл поэмой: «Несма о тончии». Думается, и я не ошибся, осуществляя постановку «Погорьской Конной». В «Виницком» как спектакль-оду, произвездившую нашу революцию. Ода, трагедия, поэма — это, на мой взгляд, не только впечатление, это и сегодняшние жанры искусства, потому что именно они больше всего отвечают масштабу наших дел, грандиозным событиям эпохи.

Но за последние годы налицо драма слеплась необоснованно будничной, нередко — расцениваемой, как учебники, логики. Она стала говорить о великом прозаики, склоняясь к камере суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда

С. Михалков поставил в центре своей пьесы «Раки» заурядного «героя» фельдштера, сатири не получилось, получилась пустая мелкотравматическая комедия. Сатирик должен подложить привод в близайшее отделение медицины или в камеру суда, — мелкая цель для сатирика. Наводнить сцену журналистами в проходнями — не значит еще создать сатирика. И закономерно, что когда</p

СЕРДЕЧНАЯ ДРУЖБА

В. КОСОЛАПОВ

1944 года стало днем освобождения Болгарии от фашизма, от империалистической зависимости.

**

И вот прошло десять лет. Десять лет строительства новой жизни. Десять лет упорной борьбы с отчаянно сопротивляющимися капиталистическими элементами. Десять лет, на протяжении которых были огромные трудности, препятствия и немало ошибок.

Однажды в парке дворца пионеров в Софии я познакомился с болгарским школьником. Звали его Димчо. И хотя он имел очень скромные познания в русском языке, как я в болгарском, разговор состоялся, мы в общем понимали друг друга. Когда Димчо узнал, что я из Москвы, у него радостно заблестели глаза и он крепко вцепился в мой рукав, словно боясь, что я уйду, не закончив разговор. Он потребовал от меня подробного рассказа об Артеке, о новогодней елке в Кремле, о туристических походах.

— Откуда ты все это знаешь, Димчо?

— Мы дружим с русскими пионерами, пишем им письма, они пишут нам, — не без гордости ответил этот маленький человечек с красным галстуком на загородной малнической щее...

Многое хочется рассказать, если ты видел сегодняшнюю Болгарию, — новую Болгарию, окрыленную завоеванным счастьем, всю устремленную вперед.

Хочется рассказать о том, как свободный труд свободного народа решительно изменяет лицо древней болгарской земли, как кажды давно не было. Не знаю, как бы многие и выжили, если бы не помощь советских братьев. За это мы благодарны на вечные времена...

Все эти годы болгарский народ неизменно ощущал дружескую поддержку Советского Союза, опирался на его бескорыстную братскую помощь.

Но нынче жизнь не легко начинали, — сказал мне 65-летний крестьянин, житель Родопского края. — В первые годы пришли на нашу поля засуха, да такая свирепая, каких давно не было. Не знаю, как бы

многие и выжили, если бы не помощь со

ветских братьев. За это мы благодарны на

вечные времена...

Хочется рассказать о новом духовном облике ее людей, смелых и мужественных, скромных трудолюбивых, — людей, десять лет назад впервые познавших радость быть настоющими хозяевами жизни, хозяйствами своей страны, своей судьбы.

Но больше всего хочется рассказать о той сердечной отзывчивости, о тех больших и пыльных дружеских чувствах, какие питают народ Болгарии — от селовладческих старцев до юных пионеров — к нашей стране, к русскому народу, ко всем советским людям.

У этих чувств глубокие исторические корни. С Россией, с русским народом связывали болгары свою надежду на освобождение от пятивекового турецкого рабства. Они твердо верили в освободительную миссию России, в то, что русский народ не оставит в беде своих братьев и вызовет их из-под турецкого ига. И болгарский народ не ошибся в своих надеждах.

По всей стране — от Русе до Асеновграда и от Софии до берегов Черного моря — можно видеть свято чистым населением памятники русским воинам-освободителям, героям погибшим на болгарской земле в русско-турецкую войну 1877—1878 годов.

Их более четырехсот, таких памятников, воздвигнутых в городах и селах, в горах и на солнечных равнинах Болгарии.

Трогательные надписи украшают эти обелиски из белого камня. Вот одна из них:

«Путник, проходя под сенью этих деревьев, говори тихо, не пой и не шуми, — не тревожь прах русских воинов, которые покоятся здесь! Это место священно для приятельской Богарии!»

Свою негасимую любовь к русским братьям болгарский народ пронес как знамя сквозь черные годы фашистской диктатуры. Он верил в то, что Советский Союз подаст ему руку помощи, что дождется многострадальной болгарской земли своих освободителей — потомков героев Шипки и Плевны, и веру эту невозможно было убить даже самыми свирепыми террором.

Хорошо написал об этой искренней вере в счастливое будущее славный болгарский патриот, талантливый поэт Никола Вапцаров:

Быть может, хотите убить мою веру?
Ту веру,
которая грудь мою греет,
ту веру,
которая мне подсказала,
что жизнь станет лучше,
прекрасней,
мудре?

Но чем в нее целись?
Пулей?
Гранатой?
Напрасно!
Она так надежно укрыта!
И знаете:
нет в мире такого снаряда
и пуля такая
еще не отлита!
Еще не отлита!

В дни второй мировой войны каждый узар наших войск по немецко-фашистским захватчикам отыгрывал в сердцах болгарских патриотов призывом к активным действиям, к разжиганию партизанской борьбы. В Отечественном Фронте, созданном по инициативе Георгия Димитрова Болгарской коммунистической партии, объединились все честные люди страны, все, кому дороги были судьбы родины, ее свободы.

Когда в начале сентября 1944 года Советская Армия подошла к границам Болгарии, там уже разгоралось народное восстание, организованное и руководимое Болгарской коммунистической партией. Быстро продвижение наших войск в глубь страны сыграло решающую роль в победе восставшего народа. 9-е сентября

Болгарская молодежь и так широка и действенная помощь Советского Союза, что этот плановый срок оказался перекрытым на целых два года.

Когда осматриваешь громадные, светлые корпусы заводов, состоящих из химического комбината имени И. В. Сталина, знакомишься с людьми, обращает на себя внимание одна примечательная особенность: лаборанты и техники, инженеры, руководители цехов и лабораторий в подавляющем большинстве — это молодые. Наглядное свидетельство быстрого роста в новой Болгарии своей технической интелигенции, вышедшей из народа и до конца преданной ему.

Осталась позади — нам не забыть их — Село за потемневшей рекой

И наш любимый брат-освободитель, что издала все машет нам рукой.

И это был привет твой, Украина!

Он долго будет волновать сердца.

Мы увезем его к родной памятине,

Как дружбы знак, которой нет конца.

Перевод Я. ХЕЛЕМСКИЙ

1950 г.

Никола ФУРНАДЖИЕВ

Привет с Украины

Мы у друзей в Демидове гостили

На Украине. Мартовская мгла

Над хатами сел на крыльях синих

Уже предвестник вечера плыла.

Пора в дорогу. Но в толпе у хаты

Раздалися ясный голос в этот час:

— Друзья мои, когда я был солдатом,

Я побывал в Болгарии у вас!

Постойте! — к нам пронеснулся

румяный

Огромный парень в мокрых сапогах.

Он руки протянул, в глаза нам гляну.

Он весь бензином и землей пропах.

— Болгарин привет от Украины! —

Мы троубились. Машин наша шла

По предвесенней мартовской равнине,

По тротуару — от села и до села.

И ветер гнул деревья молодые,

И голья лес куда-то в гору шел.

А на холмах уже свистели Киев,

И Днепр раскинулся Подол.

Осталась позади — нам не забыть их — Село за потемневшей рекой

И наш любимый брат-освободитель,

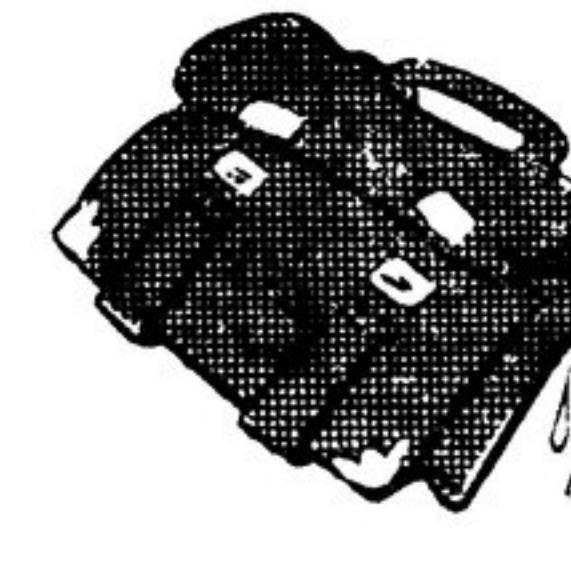
Что издала все машет нам рукой.

Перевод Я. ХЕЛЕМСКИЙ

1950 г.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К-4-04-62, разделы: литературы и искусства — К-4-02-29, внутренней жизни — К-4-08-89, К-4-72-88, международной жизни — К-4-03-48, науки — Б-3-27-54, отдел информации — К-4-08-69, писем — Б-1-15-23, издательство — К-4-11-68. Коммутатор — К-5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Господин Ланель без портфеля и маски

Итак, господин Ланель... Поскольку есть основание полагать, что имя его уже забытое нашим читателем, на всякий случай приходится напомнить: да, речь пойдет о бывшем французском премьер-министре.

Пока господин Ланель находился у власти, его подлинное лицо было кое-как прикрыто маской внешней респектабельности. Распространялись с портфелем, он здраво лишился защитной маски. И тогда обнаружилась физиономия человека, о котором она из буржуазных французских газет прямо писала, что «суму не пристало быть главе правительства Франции».

Что же толкнуло буржуазную газету на столь категорическое утверждение?

Не так давно с парижского аэродрома Орли должен был отправиться в очередной транспортный рейс пассажирский самолет. Все было готово к полету. Еще секунда, и взревут моторы... Неожиданно кто-то открыл дверцу вспомогательного отсека и вылез из него. Вскоре из числа пассажиров следовать за ним. Вскоре в передней части самолета два комфортабельных места зияли пустотой.

Этими пассажирами оказались родной брат и компания премьер-министра сенатор Рене Ланель и его жена. Рене Ланель

и вспомогательного отсека из эластичных банкротства Франции.

Что же касается Жозефа Ланеля, то парламент, отвергая политический курс его правительства, отказал

ему в доверии.

Пришло направиться в президент для вручения отставки. Президент, как известно, не стал задерживать Ланеля, — отставка была сразу же принята. И здесь, рассказывает австрийская газета «Эстеррейхische Фольксstimme», произошло нечто такое, что очень хорошо показывает, насколько представители «американской партии» во Франции не брезгают любыми средствами для достижения своих целей.

Выход из Елисейского дворца, Жозеф Ланель должен был считать себя всего лишь частным гражданином. Между тем брат его еще сидел на членодавцах. Выход из положения был только один: пролить хотя бы на сутки любым способом свое пребывание в власти, чтобы дать возможность незадачливому отставному сенатору скрыться за пределы Франции. И Жозеф Ланель объяснил, что отставка пока не принята и что президент «потребовал себе 36 часов на размышление».

Дальнейший ход событий напоминал сцену из голливудского боевика. Ка

тегорическое опровержение президента. Рене Ланель мчится на аэродром. Официальная отставка правительства. Тучный мужчина садится в самолет. Многомоторный

гигант на старте. Неизвестный человек бежит по асфальтовой дорожке аэродрома. И, наконец, принудительное возвращение Рене Ланеля.

Вся изложенная здесь история, может быть, и не стала бы виной, если бы «героями» не оказались люди, чьями руками по злаковской указке делалась внешняя и внутренняя политика Франции. А руки эти, мягко выражаясь, не очень чисты.

Б. РОЗАНОВ

Невольные сопоставления

Я был на торжественном открытии Лейпцигской ярмарки, где премьер-министр ГДР Отто Гротвальд объявил о новом снижении цен. В этот час в переполненном зале городского оперного театра присутствовали многочисленные гости из Англии, Франции, Италии, Финляндии и многих других стран. Здесь были зловещие люди из Западной Германии — руководители акционерных компаний и торговых фирм, крупные эксперты и коммивояжеры, привлеченные на Лейпцигскую ярмарку.

Для тех, кто живет в ГДР, заявление премьер-министра не было неожиданностью. Снижение цен здесь проводится не впервые. Однако обширные размеры снижения цен, объявленные правительством ГДР, превзошли ожидания. Цены на растительное масло, например, снижены на 45 процентов, на жиры — в среднем от 40 до 45 процентов, на пшеничную муку — на 21 процент, на кожаную обувь — до 30 процентов и т. д.

Радостная взволнованность, вызванная сообщением Гротвальда, передалась и гостям. Многие из них горячо аплодировали премьер-министру.

Новое снижение цен в ГДР дает населению головную реальную выгода в сумме 1,8 миллиардов марок. Любопытное сопадение! Именно эту цифру — 1,8 миллиарда марок — можно было увидеть в сообщении агентства ДПА из Бонна, переданном несколько дней назад. В этом сообщении говорилось, что провал планов «европейского

общества» сулит большую сумму, не превышающую

34 процента бюджета, тогда как Советский Союз ограничил оккупационные расходы минимальной суммой, не превышающей

3 процентов бюджета ГДР.

И еще одно цифровое сопоставление, о котором нельзя не напомнить, когда заходит разговор о источниках роста благосостояния населения Германской Демократической Республики. Оккупационные расходы Западной Германии составляют в текущем году свыше 9 миллиардов марок

— 34 процента бюджета, тогда как Советский Союз ограничил оккупационные расходы минимальной суммой, не превышающей

3 процента бюджета ГДР.

Напрасно было бы искать в западногерманских газетах, вышедших на следующий день после выступления Отто Гротвальда, сообщений об очередном снижении цен в ГДР. Ни строчки в этой теме! Бонниесе пропагандисты хорошо понимают, на каком роде сопоставления наложили на читателей правдивую информацию о положении в Германской Демократической Республике.

С. СЕРГЕЕВ

БЕРЛИН. 8 сентября. (По телефону)